

**РЕВОЛЮЦИЯ И НАСИЛИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
ХРИСТИАНСКИХ ЛИБЕРАЛОВ
(З.Н. ГИППИУС И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО)**

В статье рассматривается проблема морального оправдания революционного насилия в понимании христианских либералов. Автор исследует общественно-политические позиции З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, а также их идейные связи с Б.В. Савинковым.

Ключевые слова: общественная мысль, христианский либерализм, революция, революционное насилие, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский.

В 1905-1908 гг. происходило становление концепции религиозной революции видных представителей христианского либерализма – З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. С одной стороны, эта концепция вобрала в себя те идеи, которые возникли еще в 1890-е гг. и разрабатывались в начале 1900-х, с другой – являла собой результат осмысления общественно-политических событий 1905-1907 гг. в России. Одним из немаловажных факторов, повлиявших на общественно-политические взгляды христианских либералов, стало их общение с И. Фондаминским и Б. Савинковым в период пребывания в Париже (1906-1908 гг.).

«Совершенно естественно, – писала З.Н. Гиппиус, – что темой наших разговоров сделался вопрос “о насилии”» [1. С. 261]. Действительно, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус не могли оставить в стороне проблему насилия, разрабатывая вопросы революции, борьбы с самодержавием. Споры с Б. Савинковым, необходимость определить свою позицию по отношению к революционному террору предельно заострили тему насилия, сделали ее краеугольной в творчестве христианских либералов. В воспоминаниях З.Н. Гиппиус говорила об этом следующее: «Уклониться от вопроса о насилии мы не могли, – ведь мы же были за революцию? Против самодержавия? Легко сказать насилию абсолютное «нет». В идеях Д.С. [Мережковского] не могло не быть такого отрицания. Не толстовского, конечно, ведь Толстой не сгонял мух, облеплявших его лицо во время работы (пример русской безмерности). Но тут дело шло не о принципах, не об абсолютах: перед нами был живой человек и живая, еще очень далекая всем абсолютам – жизнь» [1. С. 261].

Обратим внимание, что данная запись – из позднего сочинения З.Н. Гиппиус, в котором имела место не просто фиксация сиюминутных впечатлений, а их осмысление с учетом ряда предшествующих и последующих событий.

---

* © Воеводина А.А., 2009

Воеводина Анастасия Анатольевна – кафедра российской истории Самарского государственного университета

На наш взгляд, приведенная цитата довольно точно характеризует специфику подхода автора к рассматриваемой проблеме. В частности, становится очевидно, что в творческих исканиях христианских либералов тема насилия имела двойное толкование: с точки зрения их идеалов, «абсолютов» и применительно к определенной ситуации, условиям «жизни». Оба этих аспекта требуют специального рассмотрения.

Обратившись к религиозно-философским основаниям общественно-политических позиций З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского — пониманию исторического процесса как смены религиозных эпох, идее разрешения существовавших антиномий в совершенном синтезе, «Царстве апокалиптического христианства», нетрудно заметить, что насилие здесь однозначно толковалось как олицетворение государственной власти. С точки зрения «нового религиозного сознания», все общественные формы, существовавшие в рамках Второго Завета, так или иначе были связаны с насилием над личностью. В представлении З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского идеальное общество, основанное на «новом религиозном сознании» — «вселенская церковь», «Царство Третьего Завета» — в противоположность государству как царству насилия, необходимости, олицетворяло царство любви и свободы. И здесь, действительно, имело место то «абсолютное отрицание» насилия, о котором говорила З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях.

Однако необходимость оценки конкретных общественно-политических ситуаций требовала иного подхода к рассматриваемой проблеме. Она предельно заострилась, приобрела явную общественно-политическую направленность в лекциях «О насилии» и статье «Бес или Бог?» Д.С. Мережковского, статьях З.Н. Гиппиус «Тоска по смерти», «Революция и насилие» и коллективной драме «Маков цвет». Именно в этих трудах нашли отражение те мучительные поиски, которыми сопровождалась попытка мыслителей решить проблему возможности оправдания революционного насилия.

Эта проблема воплотилась в своеобразной «формуле» «нельзя и надо», проходившей рефреном через все указанные работы. Подобные мысли появились у З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского под непосредственным влиянием разговоров с Б.В. Савинковым. На это указывают записи из «ажанда» З.Н. Гиппиус: «Вечером с Б. Сав. [Савинковым] тяжелый и страшный разговор. Д.Ф. [Философов] против — но и я говорю абсолютное “нет”. Нельзя передать режущего впечатления, которое теперь нами владеет. Да? Нет? Нельзя? Надо? Или “нельзя”, но еще “надо”?..» [1. С. 261].

Герои пьесы «Маков цвет», сознавая «всеобщую вину», приняли решение совершить самоубийство. Здесь смысл формулы «нельзя и надо» ограничивался сентенциями «нельзя жить», «нельзя убить», «надо умереть». Наиболее полно пафос идеи «надо и нельзя» — «нельзя и надо» раскрывается в статье З.Н. Гиппиус «Революция и насилие». Именно эта работа была положена в основу лекций «О насилии», прочитанных Д.С. Мережковским в Париже в 1908 г. В статье нашли отражение идеи, которые представляются чрезвычайно важными для понимания того, почему христианские либералы считали возможным моральное оправдание насилия. «С абсолютной точки зрения, божеской и человеческой, — писала З.Н. Гиппиус, — убийство невозможно», «простить» его «нельзя» [2. С. 108, 118]. Однако этой «абсолютной»,

«идеализированной» позиции здесь вновь противопоставлены «жизненные», «исторические» условия: «на деле исторически невозможность убийства не может вдруг воплотиться; она проявляется постепенно, по мере того как относительное приближается к абсолютному» [2. С. 118]. И в тот период, когда человек и общество еще несет на себе печать несовершенства, «в час смены старого новым», по мнению З.Н. Гиппиус, оправдание убийства, совершенного «во имя будущего», не только возможно, но и необходимо. На наш взгляд, пафос статьи раскрывается в следующей мысли: «Да, да, насилие не право, но оправдано! Не надо проливать кровь, это невозможно. Но чтобы эта невозможность стала реальной, это необходимо!» [2. С. 128].

Те же идеи были сформулированы Д.С. Мережковским в статье «Конь бледный». Он воспринимал максимум «нельзя и надо» как антиномию, считая, что «это не противоположность добра и зла, закона и преступления, кощунства и святости, а противоречие в самом добре, в самом законе, в самой святине» [3, С. 132]. Выход из этого противоречия, с точки зрения автора, возможен только вне пределов сложившегося государственного порядка, основу которого составляет принцип насилия. В то же время внутри этого порядка человеческий разум «считает своим собственным верховным законом» «закон государственный», который есть звено в «цепи причинности, необходимости» [3. С. 133]. Таким образом, Д.С. Мережковский возвращается к «абсолютизированному» пониманию проблемы насилия. В таком ключе этот вопрос мог быть решен лишь в пределах Царства Свободы, но никаким образом не в Царстве Необходимости: «Только смертью смерть Победивший, Воскресший и Воскрешающий может сказать: не убий; может упразднить насилие в свободе, царство от мира сего в царстве Божьем, государство в Церкви» [3. С. 133-134].

Эти размышления, на наш взгляд, созвучны идеям В. Чернова о существовании «морального максимума» и «морального минимума». С его точки зрения, безусловная ценность человеческой жизни — это конечная цель, идеал, «моральный максимум». Однако, так как это время еще не настало, «ради его осуществления в будущем» революционеры, живя в «полузоологическом мире», должны были руководствоваться «моральным минимумом» — «ради ближних» приносить в жертву «самую душу, ее чистоту» [8. С. 121-125, 136].

И статья В. Чернова, в которой нашли отражение эти мысли, и упомянутая выше работа Д.С. Мережковского «Конь бледный» являлись откликом на одно и то же произведение — повесть Б.В. Савинкова «Конь бледный», опубликованную под псевдонимом В. Ропшин. «Конь бледный» отразил впечатления автора от событий, в которых он принимал непосредственное участие (основу сюжета повести, по-видимому, составило убийство великого князя Сергея Александровича, совершенное И.П. Каляевым под руководством Б.В. Савинкова). Главными героями произведения выступили Ваня и Жорж, олицетворявшие различные типы террористов — террориста-праведника «религиозно-жертвенного типа» и террориста-профессионала, «мастера красного цеха» [7].

Повесть создавалась при ближайшем участии и идейном влиянии Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, а образы, воплощенные Б.В. Савинковым в «Коне бледном», как нельзя лучше соотносились с представлениями христианских либералов. Так, Д.С. Мережковский выразил свое первое впечатление от про-

чтения «Коня бледного» следующим образом: «Относительно “идеи”, что сказать. Вы ведь знаете, она мне родная. Это наша общая мука» [5. С. 154]. З.Н. Гиппиус прямо указывала на то, что «идея всего романа – взята из тезисов Д.С. [Мережковского] к его лекции “о насилии”» [1. С. 273].

В пользу того, что идеи, высказанные в «Коне бледном», были плодом их совместных с Б.В. Савинковым размышлений, свидетельствует своеобразная «раздвоенность» автора как писателя. М. Могильнер показала, что Б.В. Савинков – автор «Воспоминаний террориста», которые подвергались предварительной партийной цензуре, «оставался типичным писателем подполья», в то время как автор «Коня бледного» В. Ропшин «выпадал из сферы влияния подпольной России», разрушал радикальную мифологию [4. С. 105-107].

Показательно в этом смысле, что религиозно-революционная направленность идейных поисков Б.В. Савинкова не нашла поддержки в партийной среде. Социалисты-революционеры отказывались признавать типичность и реалистичность героев повести. Так, В. Чернов обвинял автора в том, что он превратил «образы партийных людей в какие-то почти карикатуры». Лидер эсеров считал, что «абсолюты», «бездны», представленные фигурами Жоржа и Вани, несовместимы с реальной жизнью [8. С. 136, 139].

Тем не менее, В. Чернов вынужден был признать важность моральной проблемы, поставленной в «Коне бледном». Невозможно отрицать, что это произведение стало одним из значимых рубежей в развитии мировоззрения русских радикалов. О масштабах влияния повести В. Ропшина свидетельствует, к примеру, тот факт, что ее ставили в один ряд с таким явлением, как «дело Азефа» [6. С. 222]. Как отметила М. Могильнер, «Конь бледный» сыграл «решающую роль в развенчании героики Подпольной России» [4. С. 102].

Таким образом, можно утверждать, что широкий общественный резонанс литературных опытов, ставших результатом идейных связей З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Б.В. Савинкова, свидетельствовал о плодотворности этих отношений. Кроме того, степень идейно-теоретической близости христианских либералов и Б.В. Савинкова и характер ее практического выражения позволяют оценить эксперименты «религиозно-общественной» направленности – попытки создания в 1911 г. «религиозно-революционной» организации, «ордена», в котором бы нашло отражение соединение практического опыта революционеров и философии «нового религиозного сознания».

Библиографический список

1. Гиппиус, З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т. 2. – 384 с.
2. Гиппиус, З.Н. Революция и насилие // Мережковский Д.С. Царь и революция. – М.: ОГИ, 1999.
3. Мережковский, Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. «Больная Россия». – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 122-137.
4. Могильнер, М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М. Могильнер. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 207 с.

5. «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908-1909) / публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. — 2003. — № 4.
6. Ропшин, В. Письмо в редакцию / В. Ропшин // Заветы. — 1912. — №8.
7. Савинков, Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзит-книга», 2004. — С. 357-440.
8. Чернов, В. Две бездны / В. Чернов // Заветы. — 1912. — №8.

A.A. Voevodina

**REVOLUTION AND VIOLENCE IN THE WORKS OF CHRISTIAN LIBERALS
(Z.N. GIPPIUS AND D.S. MEREZHKOVSKY)**

The problem of moral justification of revolutionary violence in understanding of christian liberals is examined in the article. The author investigates Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky's social and political views, and also their ideological connections with B.V. Savinkov.

Key words and phrases: public idea, christian liberalism, revolution, revolutionary violence, Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky.